
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

А. С. АКОПЯН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И БИОСОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА

Принцип социоестественного подхода, основанный на признании универсального единства законов космической, биологической и социальной эволюции, позволяет использовать данные как естественных, так и общественных наук и все глубже проникает в методологию современного образования. С учетом возрастающего интереса к проблеме сделана попытка выявить связь феномена глобального демографического перехода и прямо связанного с ним роста *человеческого капитала* (ЧК) с биосоциальными аспектами репродуктивного поведения человека, определяющими облик и нравы социума в зависимости от типа воспроизводства человеческой популяции и его региональных особенностей.

Инновационное направление развития России и диалектика ее социально-исторической динамики как крупного современного цивилизованного государства определяют необходимость целеполагания и представления желаемого «образа будущего».

По утверждению Е. Гайдара, «исторический выбор... происходит повсеместно и постоянно, отражаясь в спорах об инфляции и неплатежах, проценте межбанковского кредита и военном бюджете... в каждом камешке многоцветной мозаики политической жизни нашей страны» (Гайдар 2009: 205).

Выход из режима с обострением

Демографическим переходом названо особое время в состоянии популяции, которое выражается резким возрастанием скорости роста численности населения (режим с обострением, гиперболиче-

ский рост) за счет высокой рождаемости и снижения смертности с последующим уменьшением рождаемости (выход из режима с обострением, собственно «переход») и ростом продолжительности жизни. После этого популяция стабилизируется в своей численности при низкой рождаемости и смертности, растущей продолжительности жизни и изменении возрастной структуры населения в сторону постарения (фаза «плато»). Процесс этот для разных государств и народов растянут во времени и проходит с разной скоростью. В целом для мира его начало связывается с 1965 г., конец – с 2049 г. Разница составляет 84 года, что равняется двум периодам эффективной длительности поколения (Капица 1997). В отличие от регулирования численности популяции через высокую смертность человеческое сообщество инструментами демографического перехода способно регулировать свою численность через снижение рождаемости, что предпочтительнее социальных катастроф, сопровождающихся высокой смертностью. Это принципиально отличает «суженное воспроизводство» от «расширенного», крайне затратного для популяции из-за высокой смертности, в том числе материнской и детской, и, как следствие, невозобновимых потерь человеческого капитала (Вишневский 2005). Смена режима воспроизводства происходит на фоне роста глобальных материальных ресурсов.

По мнению С. Капицы, автора феноменологической теории роста населения Земли, основным механизмом демографического перехода является «умножение информации». Проблема роста численности населения Земли в глобальном масштабе не носит ресурсного характера и заключается в социальных механизмах управления и распределения знаний, богатства и земли. При этом сам по себе факт суженного воспроизводства является сигналом социальной и экономической несостоятельности человеческой популяции (Капица 2010).

В начале демографического перехода, его *первой фазе* (гиперболический рост) развитие системы социального обеспечения очень тесно коррелирует с уменьшением смертности, так как динамика обеих переменных в своей основе детерминирована одним и тем же фактором – растущим ВВП на душу населения. Однако *во второй фазе* демографического перехода (выход из режима с

обострением) развитие систем социального обеспечения оказывает достаточно сильное и независимое отрицательное воздействие на высокую рождаемость через устранение одного из важнейших стимулов к максимизации числа детей в семье – необходимости иметь кормильца в старости (Гринин, Коротаев 2009).

В фундаментальном исследовании Л. Гринина и А. Коротаева, посвященном социальной макроэволюции и механизмам ароморфогенеза¹, показано, что как спад смертности в начале процесса демографического перехода, приведший к демографическому взрыву, так и спад рождаемости в его второй фазе, приведший к радикальному уменьшению темпов роста населения, были, в конечном счете, произведены одним фактором – ростом человеческого капитала, имеющим в основном информационную природу. Предложенные авторами математические модели выхода из «режима с обострением» описывают не только динамику роста мирового населения и мировой грамотности, но и мировую экономическую динамику, обеспечивающую рост ВВП и уровня жизни за счет технологичного ресурсосберегающего развития (Там же).

А. Романчук и О. Медведева, анализируя биологические параллели «глобального демографического перехода», парадокс «синдрома нехватки» ресурсов на фоне роста благосостояния связывают с ростом потребностей, в частности с ростом не только доходов, но и расходов на воспитание и образование детей (до 75 % доходов домохозяйств), обеспечение их социализации и конкурентоспособности. Делается вывод, что люди в качестве социально-биологических существ не могут воспроизводить себя в условиях индустриального общества, в отрыве от земли и домохозяйства (Романчук, Медведева 2009).

С конца 70-х гг. XX в., к концу периода гиперболического роста, рост мировой грамотности и других показателей уровня развития человеческого капитала привел к началу процесса выхода мирового населения из режима с обострением. По мере выхода из режима с обострением прямые и обратные, центробежные и центростремительные, а также многие иные связи между процессами,

---

¹ Ароморфоз, арогенез – повышение уровня организации через качественное изменение (видов, обществ, институтов и т. д.) (Марков, Коротаев 2009; Гринин и др. 2009).

явлениями, событиями, субъектами разного уровня меняют свой характер, оказывая непосредственное влияние на общественные процессы и демонстрируя ряд закономерностей, определяющих жизнь народов и отдельных людей.

Гиперболический рост населения, как и числа городов, наблюдается только при относительно низком (менее 50 %) уровне мировой грамотности, имеющем сильную *обратную* корреляцию с уровнем рождаемости. Процесс урбанизации возможен при наличии наемного труда и острой конкуренции за работу, определяюще важен для достижения уровня сложности, необходимого для развития общества и технологического прогресса.

При выходе из «режима с обострением», обусловленном ростом массовой грамотности и снижением рождаемости (от гиперболы роста к «мальтузианской» экспоненте воспроизводства), у женщин начинает проявляться достаточно сильная *прямая* связь между материальной обеспеченностью и фертильностью, сменившая свою полярность. Опрос женщин, окончивших Оксфордский университет и отобранных по принципу гарантированного и одинаково высокого уровня образования, выявил достоверную связь между обеспеченностью и фертильностью по показателю итоговой рождаемости (Романчук, Медведева 2009).

Объяснить и прогнозировать имеющиеся тенденции помогает понятие человеческого капитала, который сегодня определяется не только в качественных, но и в количественных эквивалентах.

Человеческий капитал – понятие и границы определений

«Парадокс нехватки ресурсов» на фоне роста мирового ВВП и снижения темпов роста численности мирового населения теория демографического перехода напрямую связывает с ростом человеческого капитала. Публикации на тему последнего характеризуются высокой метафоричностью, содержат немало путаницы и логических противоречий. Для межстрановых сравнений сегодня также широко используется близкий по звучанию и постоянно критикуемый показатель индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Последний рассчитывается через *ожидаемую продолжительность жизни, уровень грамотности* взрослого населения

и *доступности образования* и *размер ВВП* на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности). Индексы развития человеческого потенциала (ИРЧП, HDI – Human Development Index) касаются *обобщенных* групповых показателей и персонально для оценки развития отдельного человека, личности, как правило, не применяются (Заславская 2005).

Для *индивидуальных* оценок признание получила концепция человеческого капитала, изначально предложенная как экономическая категория рыночной экономики, основанная на наемном труде и воплощенная в самом человеке.

Человеческий капитал – это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты (Нуреев 2009; Беккер 1993; Бурдые 1993; Коулман 2001). Чем больше вероятностная величина каждой из составляющих ЧК, тем больше сам ЧК. Как известно, вероятность совместного наступления нескольких независимых в совокупности событий равна произведению вероятностей этих событий. Вероятностная природа ЧК определяет его уязвимость: уменьшение или практически полное отсутствие любой из его переменных приводит к прогрессивному уменьшению ЧК в целом, вплоть до обнуления. Применительно к ЧК это означает, что $R_{\text{человеческий капитал}} \sim R_{\text{природные способности}} \times R_{\text{здоровье}} \times R_{\text{знания}} \times R_{\text{мотивация}} \times R_{\text{общая культура}}$, где R – вероятные величины составляющих ЧК (Мясоедова 2005).

Трехмерная модель David Nolan определяет условия жизни человека не как точку на прямой, а через объем его реального жизненного пространства, характеризуемый *длиной* (размер экономических свобод), *шириной* (размер политических свобод) и *высотой* (размер личностных свобод). Как отмечалось, обнуление одного из этих параметров неизбежно приводит к нивелированию человеческого капитала, человеческих знаний и способностей. Стоит только одной свободе минимизироваться до нуля, как человек полностью утрачивает жизненное пространство и должен физически исчезнуть. Если свободы человека стремятся к плюс бесконечности, то теоретически человек обретает жизненное пространство, ограни-

ченное только его природными возможностями. Вся политическая борьба между партиями сводится к величинам свобод (экономических, политических, личностных) и соотношениям величин этих трех свобод между собой (Юрьев 2006).

С позиций количественной теории социоприродного развития и *эргодинамической*² модели человека человеческий капитал оценивается через понятия «запаса устойчивости» – аккумулятивной свободной (структурной) энергии в ее информационной форме, условной стоимости человека в денежном эквиваленте (через удельные значения ЧК и его составляющих применительно как к социуму в целом, так и индивиду в отдельности). ЧК здесь рассматривается через количественную оценку *трех компонентов*: витального (врожденного) капитала, социального капитала, приобретаемого в течение жизни (образование, здравоохранение, социальное обеспечение), а также духовного (нравственного, гуманитарного) капитала, отражающего личные человеческие качества. Так как величины производства человеческого капитала и валового национально-го продукта связаны почти линейной зависимостью (Бобылев 2001), делается вывод, что при росте упорядоченности аналогичная зависимость должна сохраняться между удельным человеческим капиталом (УЧК) индивида и его индивидуальным материальным богатством: доходы и богатство людей в равновесном социуме должны различаться в пределах нормы устойчивости. То, что выходит за пределы этой нормы, есть отклонение, «гуманитарная болезнь» (Бушуев, Голубев 2001; Акопян, Бушуев, Голубев 2002).

В. В. Радаев с точки зрения экономической социологии предлагает классификацию, состоящую из *восьми форм капитала*, которая включает экономический, физический, культурный, человеческий, социальный, административный, политический и символический капиталы (Радаев 2003). При этом *физический* капитал связы-

---

² Эргодинамика – наука о движении и превращении энергий разного вида. Предметом изучения являются особые системы – «эрго(энерго)преобразователи». Каждый человек, концентрирующий избыточную свободную (информационную) энергию, капитал, также является подобным эргопреобразователем – элементом социума, требующим затрат на самоподдержание (Бушуев, Голубев 2002).

вается с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, внешними физическими данными³.

Социальный капитал существует только во взаимоотношениях индивидов. В отличие, например, от человеческого и культурного капитала социальный капитал не является атрибутом отдельного человека. Его структурную основу формируют сети социальных связей. Социальный капитал – это совокупность отношений, порождающих действие (Радаев 2003; Коулман 2001).

В простейшем случае оценки социального капитала качество социума рассматривается через уровень избирательной активности как степени доверия людей к власти и через потенциал экономической организации общества (социального партнерства), выраженный в степени экономического расслоения по уровню имущества и доходов (Ролс 1995; Шевяков 2007; Астахов и др. 2009).

Категория социального капитала по формальным основаниям вполне распространяема и на явление «коррупционного сознания» и уклада жизни, охватившее целые регионы и территории.

Социальный капитал, при всех различиях в его определениях – от капитала связей, знакомств и любых внутрикорпоративных взаимоотношений доверительного характера, снижающих транзакционные издержки, до социальных (чековых) денег кредитования домохозяйств и стоимостного выражения качества социальной (политической и экономической) организации, – сегодня признается основным экономическим механизмом реализации огромной, но не учитываемой статистикой «теневой» доли национального продукта, создаваемого работой семьи⁴. На формирование новых поколений сегодня затрачивается более половины ВВП, и эта величина несравнимо больше за счет видов труда, не учитываемых статистикой национальных доходов. Внутрисемейный труд к 1970 г. превысил затраты труда во всех отраслях экономики. Его главная

---

³ В англоязычной терминологии *«physical capital»* используется в совершенно ином значении. Под ним понимается вещная часть *производственного* капитала (машины, оборудование, здания, сооружения), *товарный* капитал (готовые продукты), *денежный* капитал (финансовые средства), что в целом соответствует понятию *экономического* капитала, являющегося ограниченным ресурсом, максимально ликвидным и дефицитным.

⁴ Например, не учитываемое в ВВП снабжение и самоснабжение людей продовольствием от частных подсобных хозяйств.

роль – выработка новых интересов и потребностей, формирование нового спроса и новых рынков (Коулман 2001; Васильчук 2008; Астахов и др. 2009).

ВВП, измеряемый в международных долларах в паритете покупательной способности, во все большей и большей степени перестает улавливать и реальный рост уровня жизни, источником которого является человеческий капитал, регулярно предоставляющий массовому потребителю неуклонно совершенствующуюся продукцию индустрии быта, производства, информации и коммуникаций «за ту же цену». Рост энергосберегающих и экологически чистых технологий (энергия солнца, ветра, воды), совокупные человеческие затраты на поддержание и функционирование сложных социально-информационных сетей также не находят своего отражения в ВВП. Человеческий капитал в итоге решает практически все. Его величина многократно превосходит промышленную собственность и обеспечивает новые условия развития самого человека.

Оценка человеческого капитала реализуется в условиях цивилизованного рынка труда и рабочей силы, обесценивание – в условиях институтов самодержавия и крепостничества, исторически являющихся, с одной стороны, универсальными институтами присвоения человеческого капитала, с другой – частными проявлениями системы «власть-собственность», включающей систему низких заработных плат как условие своего существования (Васильев 1993; Плискевич 2006; Васильчук 2008).

В национальном ВВП не находит отражения ни то, что семья является основным источником трудовых и нетоварных (внутрисемейный труд) инвестиций в человека, ни сексуальное удовлетворение, лежащее в основе крепости брачных отношений и устойчивости домохозяйств. Если человек не находит удовлетворения в одном домохозяйстве, он его меняет на другое или создает новое.

Перечисленные виды капиталов сравнимы лишь условно, отличаются по ликвидности, дефицитности, способности к накоплению и конвертации, прямой передаче и наследованию, добавленной стоимости, однородности. Капитал как единая, сравнимая в эквивалентных единицах категория объективно перестает существовать в связи с нарастающим избыточным разнообразием индивидуаль-

ных параметров развития ЧК и сохраняющимся дефицитом персональных экономических (материальных) благ.

Нарастающая диспропорциональность проявляется усугублением конфликта между производственными силами (уровень развития технологий) и производственными отношениями (низкий уровень качества культурной регуляции) и, как следствие, ростом дисфункционализации техно-гуманитарного баланса, проявляющимся снижением внутренней устойчивости социума (Назаретян 2001; 2008).

Одним из самых существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без которой все остальные права, как и право в целом, лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента. В подавляющем большинстве случаев бессобственничества и административно-командного режима труда оценка ЧК ограничивается, в отличие от прав собственника, лишь стоимостью рабочей силы, редко превышающей уравнилельно-потребительские условия зарплат, стипендий и пенсий (Нерсесянц 1989; Бурганов 2009).

Человеческий капитал, отражая видовую потребность человека в созидательной деятельности, в отличие от капитала экономического (финансового, собственности, продуктов и средств производства) наименее ликвиден и наиболее уязвим в условиях рынка наемного труда, нарастающе избыточен, не может быть предметом дарения, купли-продажи, использоваться в качестве залога, с трудом поддается диверсификации, инвестиции в него являются более рискованными – практически нестрахуемыми. ЧК не однороден и неделим, находится в неразрывной связи с его носителем (Юрьев 2006).

Биологические детерминанты демографического роста

Основанием жизни в природе является «жизнь на равных условиях при отсутствии абсолютной полноты благ». Борьба за существование и механизмы отбора опосредуются не только в границах конкуренции. В противном случае победил бы один вид, который, превратившись в монополиста, неизбежно бы деградировал. Природный порядок у большинства млекопитающих состоит в интен-

сивной конкуренции между самцами, где доминирующим достаются все преимущества в продолжении рода и в доступе к другим ценным ресурсам. Позитивные эффекты конкуренции в сложной организации, где «каждый производитель есть потребитель», реализуются через феномены *сотрудничества, кооперации, комплементации (взаимодополнения)*.

В процессе эволюции меняются признаки организмов, но не законы природы. Для биологических и социальных систем нельзя совместить максимальную эффективность и максимальную адаптивность. В природе «организмы прожорливы» (*organisms are greedy*), а «сытые организмы не склонны изменяться» (*satisfied creatures do not change*) (Walker 1980).

Плодовитость популяции зависит от доступности ресурсов и «плотности» социальной среды для каждого индивида в отдельности, реализуется через индивидуальные репродуктивные стратегии, опосредуемые сексуальным влечением и носящие универсальный характер. Природный механизм репродукции представлен двумя основными вариантами стратегий размножения: *r-стратегия* – «пусть мелкие, но много» (расширенное воспроизводство); *K-стратегия* – «лучше меньше, да лучше» (суженное воспроизводство). В природе дрейф репродуктивных стратегий по уровню рождаемости в пределах K-r-континуума определяется состоянием биогеоценоза. Вид управляется биогеоценозом так же, как человек – обстоятельствами его жизни (Wilson 1975; Бутовская 2005).

Репродукция человека признается практически единственным способом взаимопроникновения культур. Популяционный уровень итоговой рождаемости у человека не опускается ниже 0,7–0,8 детей на женщину, независимо от места и времени проживания, уровня обеспеченности, образованности, семейного положения, наличия достаточного числа мужчин брачного статуса и возможности формирования стабильной пары (Gollini 1998). Одного ребенка женщина стремится родить в любом случае. Однако этого недостаточно для простого воспроизводства популяции. Простое воспроизводство требует итоговой рождаемости в 2,11–2,14 детей на женщину за весь репродуктивный период (15–49 лет). Показатель итоговой рождаемости, признаваемый наиболее объективным, не

учитывает возраста матери в очередности рождений. Возраст рождений влияет на численность населения в реальных поколениях через длительность их одновременного проживания. Теоретически максимальная итоговая рождаемость, рассчитанная математическими методами, достигает 15,3–18,6 рождений на женщину (Vopgaarts 1999; Вишневский 2005). Такой разброс показателя рождаемости показывает, что проблема воспроизводства населения прямо не связана с собственно репродуктивным потенциалом человеческой популяции, который в повседневной жизни реализуется лишь на 10 % (Медков 2008).

Власть и статус во всех человеческих обществах дают мужчине колоссальные преимущества в обладании репродуктивными партнерами.

Особенности строения половой системы современных мужчин свидетельствуют, что человек эволюционировал как вид, практикующий полигинию (связь одного мужчины с несколькими женщинами). Эта асимметрия, обеспечивающая автомодельность внутреннего отбора, подчиняется *принципу 20/80* и проявляется в том, что у большинства приматов, включая и человеческий род, на 20 % главенствующих самцов приходится 80 % копуляций (Бутовская 2005; Wilson 1989).

Гендерная асимметрия, обусловленная различиями полов, определяет содержание человеческой культуры, выраженной в моде, морали и нравах, кинематографе, музыке, литературе и т. д. Половое поведение и внешние фенотипические различия между полами определяются разными уровнями секреции андрогенов и эстрогенов. К числу наиболее сильнодействующих половых гормонов у человека, концентрация которых значительно, в десятки и сотни раз, превышает концентрацию других половых гормонов, их индукторов и предшественников, относятся эстрадиол и тестостерон. Концентрация у мужчин тестостерона – главного андрогена у человека – превышает таковую у женщин примерно в 20 раз (Нишлаг, Бере 2005). В молодом возрасте (18–24 лет) одно из главных мест в шкале приоритетов занимают сексуальные отношения. Половое влечение, физическая любовь играет у мужчин доминирую-

щую роль (27 %, исследование более 2,5 тыс. мужчин и женщин) среди мотивов при вступлении в брак (Харитонов 2006).

В результате эволюционного отбора в соответствии с принятыми нормами сильная половая конституция выявляется у 30 % мужчин, средняя – у 10 %, слабая – у 60 %. Границы принятых нормативов половой конституции могут существенно варьировать за счет успехов и возможностей медицины, места в групповой и общественной иерархии, влияния «женского фактора» (Васильченко 1983; Акопян, Корякин 2008; Агарков 2010: 12; Rose 1975).

Семья и «жизненный мир»

Сексуальность не может рассматриваться в контексте исключительно биомедицинских аспектов, так как обеспечивает постоянное сохранение человека как вида. Половое взаимодействие всегда социально, так как касается минимум двоих. В основе семьи как протогенетической догосударственной структуры, обеспечивающей репродукцию (воспроизводство) популяции, лежит потребность мужчины и женщины друг в друге. Супружеский союз – лишь один из аспектов, характеризующих семью. Брак рассматривается как исторически меняющаяся форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности. В основе определения брачного потенциала лежат материальные факторы, сексуальные отношения в условиях тесного и длительного физического контакта, культурные различия и психологическая совместимость (Решетняк 2005: 115).

Цивилизационная роль семьи куда серьезнее, чем это было принято считать, как в демографическом, так и в генеалогическом, родственном аспекте. Влияние фактора семьи, семейных ценностей представлено в исторической психологии и этнологии⁵. Этнологи показали, что в так называемых архаических обществах умели скрывать политические или социальные маневры под маской родственных отношений. Отсюда можно задаться вопросом: не стре-

---

⁵ Генеалогические мотивы лежат в самой основе существования общества как феномена коммуникации, нередко представляясь в анекдотическом или трагическом виде (Брудный 2008).

мится ли наше общество скрыть под маской политики или экономики генеалогические мотивы? (Рулан 2000; Брудный 2008).

Городской тип проживания обусловил отход от модели традиционной нуклеарной семьи в пользу *двухсубъектной*, основанной на равнопартнерских отношениях, снизил роль семьи как производственной единицы – домохозяйства («служебные» браки самые крепкие), как социальной ячейки и как формы доминирующей репродуктивной стратегии.

В условиях малодетности и утраты производственной функции домохозяйств, постарения популяции, доступности сексуальных отношений, характерной сегодня для городского типа проживания, возросли требования к стандартам сексуальной техники, способности партнеров обеспечить и поддерживать привлекательность сексуальных отношений в условиях длительного физического взаимодействия как основы и условия существования стабильной пары. Материальные и культурные факторы устойчивости брака сегодня отошли на второй план, уступив место сексуальной и психологической адекватности, компетентности и обучаемости партнеров (Решетняк 2005: 115; Мумладзе 2007; Акопян, Корякин 2007).

Перенаселенность (скупченность) является причиной не только роста отчужденности, агрессивности и конфликтности, но и снижения плодовитости через нейроэндокринные (стрессовые) механизмы. На популяционном уровне это проявляется в снижении полового влечения, росте числа воспалительных заболеваний репродуктивных органов, повышении доли субфертильных пар за счет ухудшения сперматогенеза и овогенеза (гаметогенеза) по механизму «stress pattern»⁶. Стрессовый механизм снижения плодовитости, предположительно являющийся причиной роста числа бесплодных браков, и его влияние на гаметогенез требуют дополнительного изучения.

В настоящее время нами (Республиканский центр репродукции человека и планирования семьи) проводится исследование, основанное на статистическом анализе количественных и качественных показателей эякулята у мужчин, обратившихся по поводу бесплод-

---

⁶ При терминальном уровне стресса, например, у лиц, приговоренных к смертной казни, развивается стойкая азооспермия (Корякин, Акопян 2000).

ного брака в период 1993–2010 гг. Предполагается, что сопоставление показателей спермограмм, выполненных ограниченным числом отобранных лабораторий, с данными годовых коэффициентов рождаемости и смертности и с периодами социально-экономического неблагополучия и экономической стабильности позволит определить силу и достоверность корреляционных связей.

В человеческом обществе женщина, кроме функции рождения, воспитания и обучения детей, передачи им культурных и нравственных ценностей, выполняет важнейшую *оценочную* функцию, роль которой настолько привычна, что ее приоритетность забывается и уходит на второй план. Женский выбор определяет систему ценностей, статусную групповую и общественную иерархию (Бутовская 2005; Акопян 2008).

Согласно теории *полового дихрономорфизма* В. А. Геодакяна, численность мужской популяции прямо не связана с численностью потомства. Мужской пол является экспериментальным полом – «полом-разведчиком», на котором природа проверяет все эволюционные новации, а затем передает их основному, женскому полу. Мужская смертность у млекопитающих, как и в человеческой популяции, независимо от различия культур, является универсальным ответом на неблагоприятные условия среды, которые выполняют функцию «направленного отбора». Это позволяет временно снять ресурсные ограничения и обновить генофонд без потери обретенного многообразия за счет сохранения более ценной для воспроизводства женской части популяции. Так, алкоголь и ассоциированная с ним смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и насильственных, неестественных причин в человеческом обществе зачастую завуалированно выполняет роль инструмента снятия внутрисемейной и общественной агрессии и относительно пристойного регулирования численности популяции через повышение смертности мужчин (Акопян, Харченко, Иоффина 1998; Гундаров 2001; Геодакян 2004; Stuckler *et al.* 2009).

Для видов, представленных мужским и женским полом, включая человека, выделен ряд универсальных моделей *репродуктивного поведения* и их половых различий:

- вмешательство в спаривание, запрет на репродукцию (убийство, изгнание конкурента);
- ограничение репродукции (пастьба, гарем, контрацепция, аборт, инфантицид);
- извлечение ресурсов, находящихся в пользовании партнера (обмен секса на ресурсы питания и другие ценные ресурсы) – более типично для самок.

В данные модели репродуктивного поведения прямо или опосредованно укладываются как мотивы уголовных и гражданских дел, так и бытовая составляющая повседневной жизни людей. Перечисленные стратегии характерны в разных пропорциях для поведения обоих полов (Бутовская 2005).

Эти же модели репродуктивного поведения лежат в основе семейных, неформальных, «теневых», коррупционных и т. д. отношений – «жизненного мира». Неформальные отношения («жизненный мир» по терминологии Ю. Хабермаса) более естественны, первичны для природы человеческой личности, чем наличие «системы» – формализованных и выполняемых всеми участниками норм и правил, составляющих основу любой организации. Соотношение «жизненного мира» и «системы» в структуре интегративной модели поведения человека определяется воздействием институтов семьи, лежащих в основе саморазвития экономики и общества, и реализуется в конкретных условиях жизни. В реальной жизни нормальному, психологически устойчивому человеку трудно, а иногда и невозможно отделить «служебное» от «личного». Именно в отношениях между людьми, носящих неформальный характер, проявляется красота мира и разнообразие жизни во всех ее проявлениях.

Человек – не деталь часового механизма или «винтик системы». У него есть свои интересы, влечения, мотивации, цели и свобода воли. Самое интересное в жизни – отношения собственности и сформированных на этой основе институтов, определяющих поведение людей в трудных и экстремальных ситуациях, – также основано на универсальных моделях поведения и половых различиях в стратегиях взаимодействия, спаривания, родительских стратегиях (Symons 1979; Mealey 2000).

Технологии жизнеобеспечения и социальные отношения

В общественно-исторической обусловленности демографический процесс определяется *тремя* основными группами факторов: биологическими законами репродукции (воспроизводства); технологией основного производственного процесса, соответствующей источникам и характеру ресурсной обеспеченности; социальными отношениями, складывающимися на этой основе.

На основе природного мира (*Первой* природы) человечество выстроило *Вторую* природу – материальные средства обитания и производства – города, технику, инфраструктуру, предметную среду и т. д. Характер взаимодействия между людьми определяется их отношением к объектам Первой и Второй природы в процессе извлечения и обмена ресурсами. *Третья* природа: организации разных масштабов – оргцивилизация – вещество созданных людьми организаций – «институтов». Структура «институтов» подчинена и детерминирована отношениями собственности и подвержена «порче, ломке, коррозии» за счет природы и характеристик человеческой личности. Человек очень чувствителен к воздействию этих институтов. Хочешь изменить человека – нужно изменить его положение (Зимбардо, Ляйппе 2000; Пригожин 2007).

Технология основного производственного процесса («сырьевая» экономика, заливное земледелие [средневековый Китай], индивидуальное мелкотоварное производство, военные «демократии» и т. д.) и соответствующий ей характер распределения ресурсов напрямую определяют систему основных ценностей социума и тип государственно-политического устройства, иерархию социальных отношений и степень имущественной дифференциации разных групп населения (Вебер 1994; Кульпин 2003).

Основные российские ценности сформировались в период петровских преобразований – тотального огосударствления собственности и авторитарной модернизации государства. Ресурсная зависимость развития российского социума в качестве *основных* ценностей российской цивилизации выделяет *Государство* и связанные с ним атрибуты причастности к приоритетному распределению через *Неформальный социальный договор* и *Госрегулирование*. Ресурсная (сырьевая) зависимость России, всегда дефицитный харак-

тер ее распределительной матрицы определили нетерпимость к конкурентам и конкуренции, игнорирование развития свободной личности. Монополизм государственной и крупной частной собственности в современной России, отсутствие других иерархий, кроме государственной, определяют соотношение и объем свобод, которые контролирует власть, с объемом свобод, который остается человеку (Явлинский 2005; Кульпин 2008).

Тезис об изначальной и безоговорочной («везде и всегда») прогрессивности частной собственности не позволяет понять сложную динамику функционального развития частной собственности и причин того, почему большинство государств стремилось ее ограничить. Во времена древности и Средневековья паразитические характеристики несла денежная частная собственность, высасывающая «соки» из населения за счет ростовщичества и налоговых откупов. Многие религии порицали безудержное накопление богатства (Гринин, Коротаяев 2009).

Известно, что скорость движения собственности прямо пропорциональна степени ее рассредоточения. Частная собственность при наличии условий демонстрирует свои положительные потенции за счет конкуренции – «невидимой руки рынка» – лишь в демократических государствах на стадии индустриального развития путем реализации феномена «парадокса персональных пороков и общественных выгод». Монополизация собственности неизбежно приводит к прекращению конкуренции – обрубанию «невидимой руки» рынка.

Феномен бессобственничества лежит в основе формирования и идентификации класса пролетариата (как физического, так и умственного труда), лишённого гегелевского «источника саморазвития». Право частной собственности, как правило, возникает из прибавленной стоимости, которая лежит в основе ее легитимности и общественного признания (Бурганов 2009).

История подтверждает, что в бюрократических обществах в условиях как промышленного, так и аграрного производства крупная частная собственность ведет к приватизации государства и падению уровня жизни населения.

Опыт российской приватизации еще раз подтвердил, что монополия крупной частной собственности по сравнению с государственной не демонстрирует искомой экономической эффективности, в социально-политическом и диалектическом смысле часто оказываясь даже менее предпочтительной. В постсоветской экономике государственная и крупная частная собственность стала основой криминально-кланового государства, игнорирующего вопросы права и законности, а не декларируемого властью «просвещенного авторитаризма». Лишение административно-командной системы власти над общенародной собственностью – самый существенный фактор для формирования правовых отношений между индивидами, обществом и государством (Нерсесянц 1989; Пастухов 2010).

Пользуясь преимуществами междисциплинарного подхода, отметим, что *неравенства* – ресурс и потенциал автомоделного развития биологических и социальных систем. С точки зрения теории систем социальная история оказывается прямым автомоделным продолжением биологической эволюции. Массированные попытки выравнивания доходов в XX в. в ряде стран, включая Россию, приводили к отрицательным, иногда катастрофическим результатам, а неравенства лишь переходили из одной сферы в другую. Общественные фонды и общественные блага ставят целью снижение степени неравенства, позволяют человеческому сообществу лучше адаптироваться к требованиям прогресса, общечеловеческой солидарности, усложняющейся цивилизации (Хайтун 2005; Акопян, Грачев 2006).

При глобализации мира и использовании достижений научно-технического прогресса в XXI в. достаточно 20 % образованного населения, работающего в сфере управления и производства товаров и услуг. У остальных 80 % неизбежно возникнут колоссальные проблемы криминогенного характера, связанные с отсутствием работы и средств к существованию. Сегодня процесс идет именно в этом направлении: пропасть между бедностью и богатством все более расширяется, расстояние между властью и собственностью становится все меньше, а глобализация с ее возможностями лишь интенсифицирует этот процесс, обогащая его новыми возможностями. Другой криминологически значимой проблемой признается

практика рынков финансовых спекуляций, вооруженных современными компьютерными технологиями. Более 80 % мирового финансового капитала ныне не имеет реального материального наполнения в виде промышленного производства, движения товаров и услуг, обслуживая финансовые спекуляции (Лунеев 2005).

Номенклатурная приватизация (индивидуализация, разобщение) признается одним из основных феноменов мирового социально-политического развития (Гайдар 2009).

Заключение

Трудная история человечества и современность наглядно демонстрируют невозможность изменить человека, не изменив его положения. Институциональные трансформации под влиянием *новых* возможностей открывают такую перспективу.

Усложнение экономики, технологий и инфраструктуры (оптоволоконная и космическая связь, IT-технологии, программное обеспечение и т. д.) в качестве интенсивно накапливаемого ресурса, непосредственно связанного с величиной человеческого капитала, уже сегодня определяет техническую возможность передачи и маршрутизации практически неограниченных объемов информации, глобальной персональной информатизации и монетаризации как основы нового, находящегося за рамками одноплоскостной дихотомии «капитализм – социализм» *цивилизованного общества* (общества знаний, информационного общества, «соединенного общества», кибермегаполиса). Общества, в котором *человек* в качестве *цели* социальной экономики, политики социального либерализма и демократического гуманизма впервые поставлен в *центр* информационного и платежного обеспечения через доступ к возможностям прямой «электронной демократии», открытого образования, равного для всех индивидуализированного права на гражданскую собственность, естественно, не исключающего развитие других видов собственности. Все это возможно лишь в условиях верховенства правовых законов, на основе принципа всеобщего правового равенства и юридически равной меры (Нерсесянц 2008).

Считается, что процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять, поскольку сегодня развитие новых тех-

нологий, определяемое ростом уровня человеческого капитала, невозможно ни остановить, ни сколько-нибудь значимым образом затормозить. Поскольку технологический потенциал неуклонно увеличивается, стратегическим путем повышения устойчивости социума при выходе из режима с обострением является количественное уменьшение зон «вертикальной лояльности» и удельного веса государства в экономике в пользу эволюционно более поздней «горизонтальной лояльности» и сетевых социальных структур (Назаретян 2008; Сатаров 2010).

Выше были рассмотрены социально-экономические тенденции изменения характера ряда процессов при выходе из «режима с обострением». Однако ряд актуальных вопросов и выводов остались за рамками обсуждения:

1. По мере выхода из режима с обострением рабочая сила, как и знания, перестает быть ограниченным ресурсом, создавая неизбежные проблемы с ее «капитализацией». В условиях избытка информации и ее гиперболического роста происходит обесценивание знаний в пользу «сути образования как понимания», что неизбежно обесценивает и человеческий капитал.

2. Временной масштаб и диалектика выхода из режима с обострением определяют неизбежность перехода «от хаоса к управлению» за счет информационно-технологических инструментов «общества знания», где ведущая роль принадлежит не псевдоморальному денежному обогащению, а культуре и науке (Капица 2010). В диалоге власти и бизнеса последний явно потерял инициативу за счет «увязания в тени» и страха борьбы с «теневиками» (Барсукова 2006). Не решен вопрос о способности предпринимательства, вскормленного на идеологии потребления, осуществлять функцию движущей силы прогресса, его «авангарда». Ждет ли его судьба рабочего класса, так и не сумевшего выполнить свою историческую миссию и сегодня находящегося на стадии «умирания», – покажет время⁷. Решение этого вопроса необходимо в первую очередь предпринимательству.

---

⁷ В США к 2025 г. ожидается 3%-ная занятость работников в производственной сфере при нынешних 13 %.

3. Процесс формирования постматериалистической мотивации в условиях постиндустриального (информационного) общества также не представляется очевидным. Не последнюю роль играет то, что рост производительных сил в условиях постиндустриального (информационного) общества оказывается в явном противоречии с *архаичными* производственными отношениями, определяющими соответствующий характер распределения ресурсов. Бездомство, безработица, бессобственничество, низкооплачиваемый наемный труд, торговля деньгами и землей, институт наследования, нормативные протекционизм и семейственность (кланы, вождизм, окольные пути движения «социальных лифтов», первые леди и т. д.) являются лишь следствием такого распределения ресурсов.

4. Возможность прогрессивной и успешной адаптации института «власть-собственность» к новым реалиям глобализирующегося мира определяется монополизмом государственной и крупной частной собственности и участием госслужащих в предпринимательской деятельности. Эти два фактора, производные от «неформальных отношений», являются основой коррупции, произвола, безответственности, информационной закрытости, возможности фальсификации общественного мнения и, как следствие, полной зависимости и незащитности общества от чиновника (государства).

5. Основной стигмой эпохи «Великой коррупции» является номенклатурная индивидуализация ограниченных благ, естественная по своему происхождению и соответствующая биосоциальной природе человеческой личности. Актуальной задачей является определение новых критериев сближения формальных и неформальных прав и правил, их оптимальных и реальных пропорций.

Литература

Агарков, С. Т. 2010. Женщина как фактор мужского здоровья. *8-й Российский научно-образовательный Форум «Мужское здоровье и долголетие», 17–18 февраля*. Материалы форума. М.

Акопян, А. С. 2008. Этапы демографического развития и биосоциальные аспекты репродукции человека. *Историческая психология и социология истории 2*: 198–213.

Акопян, А. С., Бушуев, В. В., Голубев, В. С. 2002. Эргодинамическая модель человека и человеческий капитал. *Общественные науки и современность 6*: 98–107.

Акопян, А. С., Грачев, М. В. 2006. Человеческая популяция: универсальный эволюционизм и альтернативные модели репродукции. *Философские науки* 11: 143–151.

Акопян, А. С., Корякин, М. В.

2007. Биомедицинские и психосоциальные аспекты эректильной дисфункции. *Лечащий врач* 4: 44–46.

2008. «Женский фактор» в проблеме эректильной дисфункции. *6-й Российский научный Форум «Мужское здоровье и долголетие», 19–20 февраля* (с. 9–10). Материалы форума. М.

Акопян, А. С., Харченко, В. И., Иоффина, О. А. 1998. Заболеваемость и смертность от болезней, имеющих «социальную окраску» (социопатий) в современной России. *Вопросы статистики* 1: 18–24.

Астахов, А. С., Бушуев, В. В., Голубев, В. С. 2009. *Устойчивое развитие и национальное богатство России*. М.: ИАЦ «Энергия».

Барсукова, С. Ю. 2006. Сращивание теневой экономики и теневой политики. *Мир России* 3: 158–179.

Беккер, Г. 1993. Человеческий капитал (главы из книги). *США: экономика, политика, идеология* 11, 12.

Бобылев, С. Н. (общ. ред.) 2001. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2000 год*. М.: Права человека.

Брудный, А. А. 2008. О психологических механизмах исторического процесса. *Историческая психология и социология истории* 1: 208–214.

Бурганов, А. Х. 2009. Магистральный путь вывода России из демографического кризиса – к расцвету человека, наций, человечества. *Национальная идентичность России и демографический кризис*. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября 2008 г.) (с. 120–134). М.: Научный эксперт.

Бурдые, П. 1993. *Социология политики*. М.: Socio-Logos.

Бутовская, М. А. 2005. *Власть, пол и репродуктивный успех*. Фрязино: Век-2.

Бушуев, В. В., Голубев, В. С.

2001. Индексы социоприродного развития России и стран мира. *Общественные науки и современность* 5: 153–162.

2002. *Основы эргодинамики*. М.: ООО «ИАЦ Энергия».

Васильев, Л. С. 1993. Традиционный Восток и марксистский социализм. В: Иванов, Н. А. (отв. ред.), *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. М.: Наука.

Васильченко, Г. С. (ред.) 1983. *Частная сексопатология: руководство для врачей: в 2 т. Т. I*. М.: Медицина.

Васильчук, Ю. А. 2008. Социальное развитие человека. Фактор семьи. *Общественные науки и современность* 3: 52–63.

Вебер, М. 1994. *Город. Избранное. Образ общества*. М.: Юрист.

Вишневский, А. Г. (ред.) 2005. *Демографическая модернизация России 1900–2000*. М.: Новое изд-во.

Гайдар, Е. Т. 2009. *Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция*. СПб.: Норма.

Геодакян, В. А. 2004. Эволюционная теория пола. В: Гордон, А. Г., *Диалоги*. Вып. 2. М.: Предлог.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. 2009. Ароморфозы в живой природе и обществе: опыт сравнения биологической и социальной форм макроэволюции. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ.

Гундаров, И. А. 2001. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа. *Общественные науки и современность* 5: 58–65.

Заславская, Т. И. 2005. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. *Общественные науки и современность* 3: 5–17.

Зимбардо, Ф., Ляйппе, М. 2000. *Социальное влияние*. СПб.: Питер.

Капица, С. П.

1997. *Теория роста населения Земли*. М.: МФТИ.

2010. *Парадоксы роста: Законы развития человечества*. М.: Альпина нон фикшн.

Корякин, М. В., Акопян, А. С. 2000. Анализ причин мужского бесплодия. *Проблемы репродукции* 5: 48–53.

Коулман, Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность* 3: 122–140.

Кульпин, Э. С.

2003. Эволюция ментальности россиян. *Природа и ментальность. Социально-естественная история*. Вып. 23. М.: Московский лицей.

2008. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. *История и современность* 1: 49–75.

Лунеев, В. В. 2005. Права человека и преступность в глобализирующемся мире. *Общественные науки и современность* 3: 107–119.

Марков, А. В., Коротчаев, А. В. 2009. *Гиперболический рост в живой природе и обществе*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Медков, В. М. 2008. *Демография*: учеб. 2-е изд. М.: ИНФРА-М.

Мумладзе, Л. С. 2007. Сексуальный шантаж в браке: плюс или минус. 5-й Российский научный Форум «Мужское здоровье и долголетие», 20–22 февраля. Материалы форума (с. 69–70). М.

Мясоедова, Т. Г. 2005. Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия. *Менеджмент в России и за рубежом* 3: 29–37.

Назаретян, А. П.

2001. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование)*. М.: ПЕР СЭ.

2008. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: Изд-во ЛКИ.

Нересеянц, В. С.

1989. Закономерности становления и развития социалистической собственности. *Вестник АН СССР* 9.

2008. Постсоциалистическая Россия: цивилизм как национальная идея. *Общественные науки и современность* 5: 91–100.

Нишлаг, Э., Бере, Г. М. (ред.) 2005. *Андрология. Мужское здоровье и дисфункция репродуктивной системы / пер. с англ.* М.: Медицинское информационное агентство.

Нуреев, Р. М. 2009. Человеческий капитал и его развитие в современной России. *Общественные науки и современность* 4: 5–20.

Пастухов, В. Б. 2010. Просвещенный авторитаризм и независимость суда (Возрождение консервативной утопии). *Общественные науки и современность* 2: 14–32.

Плискевич, Н. М. 2006. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации. *Мир России* 3: 62–113.

Пригожин, А. И. 2007. *Дезорганизация: причины, виды, преодоление*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Радаев, В. В. 2003. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Общественные науки и современность* 2: 5–17.

Решетняк, Ю. А. 2005. Эволюция брачных ценностей. 3-й Российский научный Форум «Мужское здоровье и долголетие», 16–18 февраля. Материалы форума. М.

Ролс, Дж. 1995. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета.

Романчук, А. А., Медведева, О. В. 2009. «Глобальный демографический переход» и его биологические параллели. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В.,

Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ.

Рулан, Н. 2000. *Юридическая антропология*. М.: Норма.

Сатаров, Г. А. 2010. Судебная власть: фрагмент диагноза. *Общественные науки и современность* 2: 32–40.

Харитонов, А. Н. 2006. Системно-аналитический подход к современным проблемам мужского здоровья. *4-й Российский научный Форум «Мужское здоровье и долголетие», 15–17 февраля*. Материалы форума (с. 129–130). М.

Хайтун, С. Д. 2005. Социум на фоне универсальной эволюции. *Общественные науки и современность* 4: 124–138.

Шевяков, А. Ю. 2007. *Социально-экономические аспекты решения демографических проблем в системе стратегического развития России*. М.: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН.

Юрьев, А. И. (ред.) 2006. *Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: учеб. пособие*. СПб.: Logos.

Явлинский, Г. А. 2005. Общественный договор – основа долгосрочной экономической стратегии. *Мир России* XIV(4): 3–29.

Bongaarts, J. 1999. Fertility Decline in the Developed World: Where will it End? *American Economics Association Papers and Proceedings* 89(2).

Gollini, A. 1998. How Low can Fertility Be? An Empirical Exploration. *Population and Development Review* 24(1).

Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies*. New York: Academic Press.

Stuckler, D., King, L., McKee, M. 2009. Mass privatization and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis. *The Lancet* 373: 399–407.

Symons, D. 1979. *The Evolution of Human Sexuality*. New York: Oxford University Press.

Rose, R. M. 1975. Consequences of Social Conflict on Plasma Testosterone Levels in Rhesus Monkeys. *Psychosomatic Medicine* 37: 50–61.

Walker, J. C. G. 1980. Atmospheric Constraints on the Evolution of Metabolism. *Origins of Life* 10: 93–104.

Wilson, E. O.

1975. *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge, MA: Harvard: University Press.

Wilson, G. D.

1989. *The Great Sex Divide: A Study of Male-Female Difference*. London: Peter Owen Publishers.